эпохи, судьба ссыльного Овидия, умершего на берегах Черного моря, не могла не взволновать Боброва. Строки, обращенные к Овидию, мы находим в «Стансах ... 1798 года»:

...там, где ты, Овидий страстный,
Уснул, — как жалкий человек.

(Рассвет, I, 42).

В Николаеве[31] Бобров создает стихотворение с характерным романтическим названием: «Баллада Могила Овидия, славного любимца муз».[32] Стихотворение содержит упрек тирану, сославшему великого поэта. Эпиграф, взятый Бобровым из «Элегии об Овидии Лингенда», подчеркивает эту мысль баллады: «Овидий! ты не справедливо желаешь включить бича своего в лик небожителей; заточение твое научает нас, достоин ли он всесожжений за свою великую неправоту? ... Надлежит быть весьма жестокосерду, чтоб у отечества отъять самый редкий ум, какой токмо бывал когда-либо в Риме» (Рассвет, II, 127).[33]

Бобров, вероятно, усматривал сходство между своей участью и судьбой Назона. И беседа его с тенью римского поэта заканчивается элегическим размышлением:

Судьба! — уж ли песок в пустыне
Меня засыплет также ныне?

Так появляется в лирике Боброва личная тема, в то время как ранние «космические» стихи исключали возможность обращения к внутреннему миру поэта.

В рукописном варианте стихотворения «Песнь на новый год», датированном январем 1795 г., соединяются две темы: философские раздумья над миром, идущие от Юнга и характерные для раннего периода творчества Боброва, и размышления поэта о своей судьбе. В начале развивается обычная для Боброва система образов: бег времени, движения миров.

Звукнул времени суровый
Металлический язык...
. . . . . .
Паки сферы просветлели
Средь пылающих небес,
Паки новы зашумели
Времени круги колес.[34]

---

[31] Стихотворение снабжено примечанием: «Сии стихи сочинены во время бытности в Николаеве».

[32] В «Словаре» Остолопова баллада определена как «стихотворение, принадлежащее к новейшей поэзии» (Н. Остолопов. Словарь древней и новой поэзии, ч. I. СПб., 1821, стр. 58).

[33] Ср.: Jean de Lingendes. Elegie pour Ovide. — В кн.: N. Renouard. Les Metamorphoses d'Ovide. Paris, 1617, стр. 13 (не нумеровано).

[34] ЦГИАЛ, ф. 994, Мордвиновы, оп. 2, ед. хр. 7, л. 15. Впоследствии Бобров напечатал это стихотворение в сильно переделанном виде (Рассвет, III, 40—41).